

Про барак? Да что про него рассказывать, — дело прошлое. Ну, если охота слушать...

В новую пятиэтажку мы переехали... дайте вспомнить... году в шестьдесят втором. Точно, мне тогда как раз десять стукнуло.

Дом наш был крайним. Последним в череде пятиэтажных новостроек. Сразу за домом начиналась и неизвестно где заканчивалась степь, на которую и выходили два окна нашей квартирки. Я любил смотреть на степь, хотя смотреть особо было не на что. Линия горизонта делила мир на две широких полосы: серую и белую зимой, голубую и желто-серую летом. Такой вот незатейливый пейзаж. Только чуть справа, почти у линии горизонта, виднелся прямоугольный силуэт, нарушавший эту гармонию. Независимо от времени года, он всегда оставался черным, как дырка в холсте.

Это и был тот самый барак, вернее, его обугленный остов.

Вспоминая о нем сейчас, понимаю, что это, пожалуй, одно из самых мрачных впечатлений моего детства.

Истории про «Черный барак» были куда страшнее классической «Черной руки», потому что Черную руку никто, ну или почти никто, не видал, а барак с его ужасной тайной — вот он, в четверти часа ходьбы туда и в трех минутах бега обратно.

Тем, кто рассказывал эти истории, как было не верить, все — свои, соседи, чего им врать?

Правда, истории были очень уж разные и до того нелепые, что связать их между собой и объяснить что-либо было невозможно.

Чтобы было понятно, начну издадалека.

Когда-то давно на месте нашего, теперь уже большого, города была лишь степь, заросшая караганником. Совершенно непригодная для человеческого обитания. Минус сорок зимой и плюс столько же летом — каково? Жить здесь было невозможно, но выжить предстояло попробовать первой партии спецпереселенцев, ну тех, кто был не согласен с идеей коллективного хозяйства. Знаете, небось про двадцатые-тридцатые? Вот-вот, кулаки. Мои предки как раз из их числа.

После первой зимы со здешними лютыми морозами и буранами, от которых не спасали наспех слепленные саманки, выживших осталась ровно половина, зато кости остальных прочно укрепили насыпь новой железной дороги. В сорокаградусный мороз хоронить, как положено, было просто невозможно, да и некому было: умирали целыми семьями. Вот и зарывали в насыпь как есть, без гробов. Такие вот дела.

Летом не лучше: нестерпимый зной, засуха.

В тридцать втором вместе со слабой надеждой на лучшее пришли голод и тиф, уменьшившие оставшееся население еще вдвое. Правда, пополнение новыми ссыльными было таким обильным, что даже в условиях этого, не совсем естественного, отбора население быстро росло, и гиблое место вскоре получило статус поселка.

Оказалось, что места эти богаты углем, тут уж началась стройка полным ходом. В тридцать втором вырыли первую шахту, а дальше пошло — не остановишь.

Рабочих рук не хватало, и, помимо бывших крестьян, в эти края стали ссылать со всей страны «врагов народа», а перед войной и большинство русских немцев. Рядом с саманками, как грибы, повырастали деревянные бараки.

Барак, о котором пошла дурная слава, всегда стоял особняком, примерно в километре от поселка. Почему — никто не помнил. Возможно, контингент там обитал не простой, особо лютые «враги», разве теперь узнаешь? Ходили слухи, что незадолго до войны сгорели там заживо все обитатели, но подробности остались неизвестными. Сам барак, сколоченный из толстых бревен, не сгорел дотла, может, дождь потушил или другая какая сила, сносить его никто, похоже, не собирался, так вот и стоял он, как памятник пережитому ужасу. Это всё я знаю со слов бабки моей, царство ей небесное, хорошая бабка была.

Для нас, детей, не знавших своей истории, барак был страшен не прошлым своим, а тем, что был он и по сей день «обитаем». Многие встречали неподалеку от проклятого места странного вида незнакомцев, так называемых «бредунов». Откуда они брались и куда потом исчезали, оставалось загадкой.

Помню, соседка снизу как-то прибежала к нам сама не своя, глаза выпучены, и шепчет, что, мол, только что своими глазами видела чужого мужика с темным лицом, медленно шедшего в сторону барака. «Думала сперва, мало ли кто, пошел

подальше в степь по нужде, а как обернулся и глянул неживыми зенками, сразу все поняла и со всех ног — домой...»

Кто верил, кто не верил этим байкам, но нам, детям, ходить к бараку не разрешалось. Мы и сами боялись. Знали, что все, кто отважился подойти к нему ближе, чем на сто шагов, пропадали бесследно, а если кто и возвращался, то уже не тем, кем ушел.

Когда любопытство всё же пересиливало страх, мы собирались в большую группу из шести-семи смельчаков и, крепко держась за руки, кралась сквозь заросли караганника. Чем ближе мы подходили, тем меньше оставалось храбрости. В ста шагах от страшного дома, когда на фоне темных стен уже были видны еще более черные оконные проёмы, нас всех, как по команде, накрывала волна ужаса. Мы разворачивались и, не оглядываясь, мчались назад, подгоняемые хлесткими ударами травы.

И все же мне пришлось как-то раз побывать там, внутри.

Случилось это уже после окончания десятилетки. К тому времени «зловещая тайна» потеряла свою остроту, среди бурных переживаний юности не было места глупым страхам и суевериям.

Помню, в тот день жара была такой, что казалось, стоит выскочить на улицу — сгоришь заживо! Но разве это помеха для юных душ, жаждущих острых ощущений!

Отмечали проводы в армию одноклассника нашего, Сашки Демченко. Ну, выпили, конечно, стали вспоминать детство. Серега Скворцов заговорил про барак, как улепетывали от него, сломя голову. Поговорили, посмеялись, ну и, ясное дело, потянуло на подвиги. Сашка громче всех кричит: «Давай, пока не стемнело!»

Желающих прогуляться по знойной степи набралось пятеро: я, Серега, Сашка и две девчонки: Наташка и Люся, Сашкина невеста. Наташка — девка храбрая, спортсменка, а Люся трусила ужасно, но, конечно, от Сашки ни на шаг. Глотнули еще разок для храбрости и пошли.

Солнце уже опускалось к горизонту, но жара все не спадала. Градусов сильно за сорок в тот день перевалило. Воздух сухой, аж звенит. Мы, пацанами, бывало, в такие деньки яйца курины, что помельче, пекли прямо в песке, без огня.

Короче, когда добрались до барака, уже было не до страха. Войти внутрь было настоящим облегчением, тень всё же.

«Ну, и что, где обещанные привидения?» — с порога заорал Сашка.

«Да погоди ты орать, — Серега ему, — а то сейчас и правда повылазят!»

Девчонки тут же тоненько запричитали, Люся прижалась к Сашке, вцепившись в него мертвой хваткой.

«Люсь, ты чего? Не бойсь, морякам никакие привидения не страшны!»

«Ага, моряк, с печки бряк. Ты море-то хоть раз видел?»

«А как же, в кино! Увижу скоро, недолго осталось».

«Тихо, слышите? Тут кто-то есть!» — вдруг шепчет Наташка.

Я ей, чтобы успокоить: «Конечно есть, крысы!»

«Дурак, какие крысы? Тут же никто не живет, чем им питаться? Может, тушканчик?»

Все замерли, только головами завертели, прислушиваясь.

Шорох не шорох, а странный какой-то звук был слышен, чужой, не природный... Будто кто-то тихонько детскую погремушку встряхивает: цт-цт-цт-цт... Вроде ничего особенного, а жутковато стало, честно скажу. Затем к этому «циканью» что-то еще стало примешиваться: то ли голоса, то ли вздохи. Еле-еле слышные, не разобрать. Будто бы в соседней комнате кто-то спит и во сне тихонько бормочет, всхрапывает. Потом, вроде, всё стихло.

Вдруг прямо мне под ноги выкатился мяч, маленький такой, с кулак, резиновый. Старый, почти сдутый, резина потрескалась... Остановился на секунду... и дальше покатился. Двигается он, медленно так, а я уставился на него и ничего сказать не могу. Остальные тоже оцепенели. У Люськи только губы шевелятся. Так и стояли, пока мяч не скрылся за перегородкой. Ну, или простенок какой там раньше был, да обвалился...

Сергея, помню, шепотом длинно так выругался, хотя при девчонках никогда раньше не матерился.

«Сань, пошли отсюда!» — зашипела Люся. Она от страха аж позеленела, бедная.

Только она это сказала, как из-за перегородки, куда мяч-то укатился, показался человек. Именно показался, а не вышел. Откуда там выходить? Не стоял же он там всё это время! Или стоял?

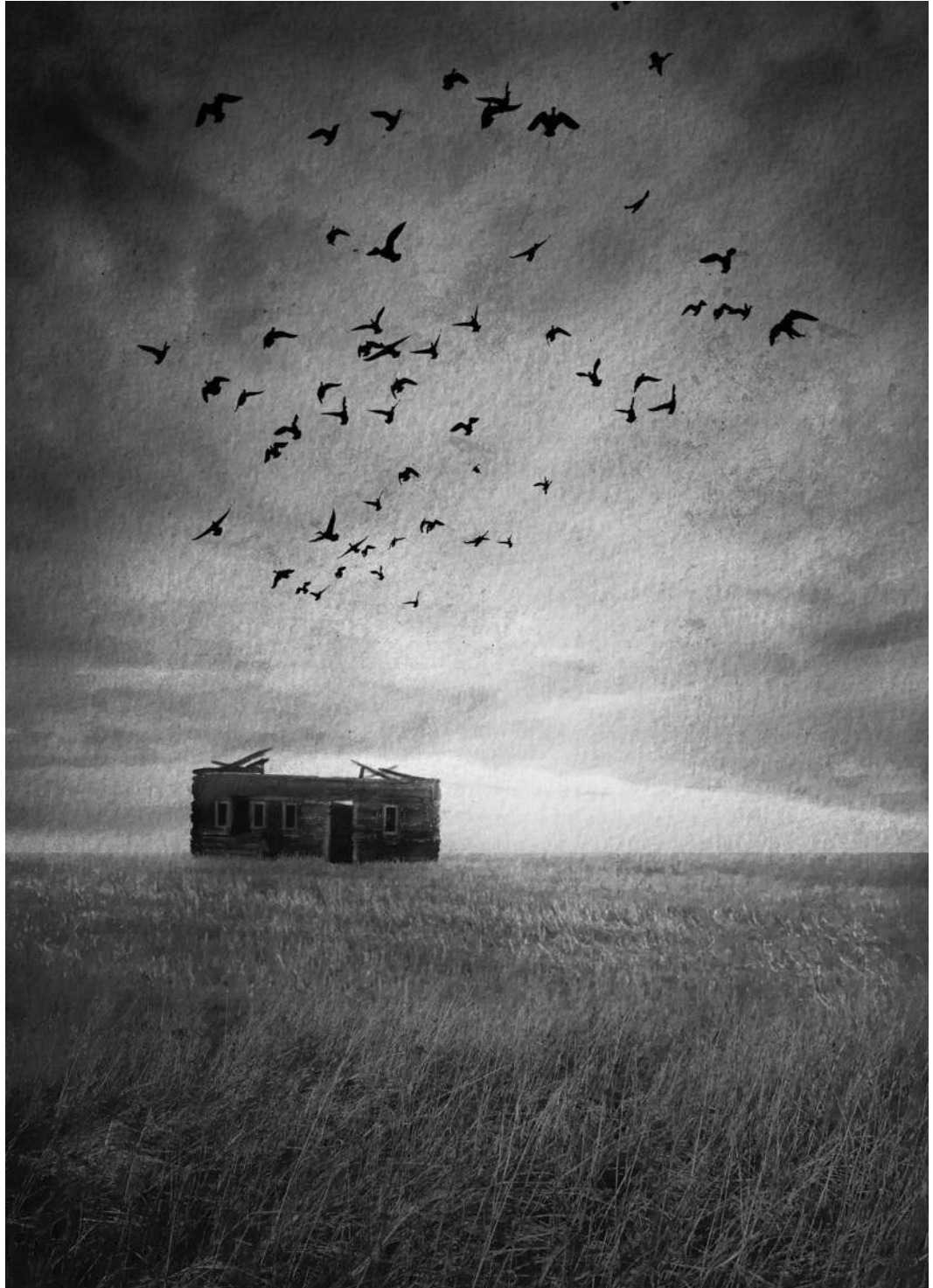
Вроде не старый, лет тридцати с небольшим на вид, но седой. Одет странно, как в фильмах довоенных: рубаха полосатая, залатанные штаны заправлены в кирзачи. На голове фуражка, за спиной мешок вроде небольшой на лямках.

Как сейчас его вижу, врезался в память намертво.

Посмотрел на нас так, что мурашки по телу побежали. Как бы вам описать этот взгляд? Так, наверно, смотрят из окна поезда те, кто уезжает навсегда. Или те, кто вернулся издалека, из такого далека, что лучше бы оттуда и не возвращаться. На привидение не похож, но и не простой человек, как-то это сразу стало ясно. «Бредун!» — вспомнилось нелепое слово.

Нас всех будто парализовало, а он сделал два шага по направлению к нам, чуть протянул руку в сторону Наташи и тут же опустил. «Таня... нет... не она...» — не сказал, а скорее «прошелестел». Потом опустился на пыльные доски пола, снял фуражку, закрыл голову руками и затих, будто и дела ему до нас нет. Сидит себе и молчит.

Наташа тихонечко так позвала его: «Эй... вы кто?»

Он будто и не услышал, но спустя несколько секунд поднял голову и едва слышно произнес: «Самарский. Василий Демьянович. Второго года рождения. Статья пятьдесят восемь, пункт семь. Четыре года с конфискацией». Медленно, монотонно, как во сне.

Еще немного помолчал, потом добавил уже как-то более осмысленно: «Уходите отсюда, плохое это место. И не приходите сюда никогда... в такую жару». Голос хриплый, глухой, будто до этого сто лет молчал.

Странный мужик, конечно, но никакой угрозы с его стороны вроде не ощущалось, и напряжение немного спало.

Сергея спрашивает: «А вы... зачем здесь? Откуда? Что вообще здесь происходит? Про год рождения врётё... на семьдесят лет вы не тянете...» А он, «Демьяныч» этот, только чуть искоса глянул на Сергея и непонятно кому сказал: «Комсомольцы...»

После небольшой паузы вдруг спрашивает: «Какой у вас тут год?»

«Тысяча девятьсот семидесятый, а у вас?» — это Наташка ему, с иронией.

«У меня тридцать девятый, всегда тридцать девятый. Второе августа. Полдень. Сорок восемь градусов по Цельсию... Таня...»

Мы молчим, конечно, переглядываемся. Да и что тут скажешь, одни загадки. При чем тут жара? Таня какая-то. Сумасшедший, скорее всего, но как он тут оказался?

Наташа осторожно так предлагает: «Может, вас куда проводить? Где вы живете? Вы ищете какую-то Таню?» А он: «Не надо. Говорю же, уходите! Я тут останусь. До завтра... если снова до сорока пяти поднимется. Ближе к полудню должно... тогда уйду. Мне семидесятый ни к чему, мне в тридцать девятый... там Таня... жена моя...»

Снова молчим.

«Она, Таня эта... умерла, наверно... Что случилось в тридцать девятом? Тот самый пожар? Говорят, тут тридцать человек сгорели заживо!» — шепнула Люся Сашке. В тишине шепот ее, конечно, все услышали, включая нашего собеседника. Он продолжал сидеть спиной к нам, обхватив колени руками. Метрах в пяти от порога. А мы — у самого порога, как вошли, так и стоим.

Услышав Люсю, он лишь слегка поежился и, не оборачиваясь, снова заговорил. Опять медленно, отрывистыми фразами, будто вспоминал, как это делается.

«Барак сожгли позже. Чтобы не доводить дело до серьезного расследования. А жильцы не сгорели... исчезли. Все до единого. В тридцать восьмом это случилось. Лето выдалось особенно жарким. В конце июля накалилось до пятидесяти, даже за ночь воздух не успевал остывать. Вот ночью с двадцать восьмого на двадцать девятое они все и ушли. Утром дверь отперли, а там — никого».

«Как ушли? Куда?» — спрашиваю его.

«Куда? Они и сами не знают. Кто куда...» — кажется, он усмехнулся. «В эту дверь если войдешь, никогда не знаешь, где выйдешь... В этом и проблема... Так что держитесь от этого места подальше, — он кивнул в сторону перегородки. — Жара открывает этот проход. Если выше сорока пяти, что-то будто плавится... Куда ведет проход? Никуда...» И так это «никуда» страшно прозвучало, меня в тот момент аж передернуло. Уж больно всё было непонятно.

Мужик развязал мешок, достал из него флягу, отхлебнул и продолжил рассказывать. Голос его постепенно будто оттаивал, оживал, рассказ становился всё более связным.

«Когда обнаружили массовый побег, власти, конечно, погоню организовали. Тут ведь самые, так сказать, опасные для общества элементы обитали. Хотя где могут спрятаться тридцать два человека в голой степи? Измученные, полуголодные, далеко ли уйдут по такому пеклу? Кроме того, засовы, ограда, охрана... всё ж целехонько осталось. Охранники ничего не слышали, собаки даже не проснулись, хотя натасканные, чуткие. Потом, спустя пару дней, стали слышать голоса, доносившиеся из пустого барака. Сторожа отказывались нести службу, да и кого сторожить? Пока дело не получило огласку, сожгли барак, ограду снесли, будто и не было тут лагеря. Слух пустили, что сгорели все...»

Мы ему, мол, что ж сам барак не снесли, а он: «Начали было, да двое рабочих пропали прямо средь бела дня. Испугались видно, подожгли и бросили, как есть».

«А что жена ваша? Тоже... ушла?» — Наташка спрашивает. А он: «Таня в поселке жила. Переехала в эти края вслед за братом. Михаил, брат её, жил в этом бараке... Враг народа, понимаешь. Шпион. В двадцать-то лет! У Тани, кроме него, никого не осталось, родителей еще в двадцатые расстреляли. С трудом вымолила разрешение видаться с ним иногда. Он-то и рассказал ей про место это. Что, мол, странные вещи случаются в сильную жару. Дыра, мол, в углу за простенком открывается, оттуда то выпрыгнет что-то, то звякнет, то эхо раздастся. Мужики побаиваются дыры, но властям говорить не хотят. Всё одно, не поверят, еще в заговоре обвинят. И Тане велел никому не говорить. Может, сказал, уйти удастся. Хоть в ад к чертям, всё лучше, чем здесь, мол. Она, конечно, не выдержала, мне рассказала. Страшно ей было, боялась за брата. Он ведь ей и братом и сыном был. Когда родителей не стало, она с ним, пятилетним, осталась. А ей самой тогда было всего тринадцать. У тетки прятались, выжили как-то. Только на ноги встали, а тут такое... Кому паренек помешал?»

Достал папиросы, закурил. «Сколько ни курю», — хмыкнул, — «а в пачке всё три папироски. И вода не кончается...»

«А что дальше было?» — это уже Люся спросила, даже у нее любопытство страх пересилило.

«Когда узнала Таня про пожар, расспрашивать стала. Знакомый у нее был из охраны, сочувствовал им с Михаилом очень, вот и выдал ей секрет про исчезновение.

Она, конечно, связала это с Мишиными рассказами и догадалась, что к чему. Очень уж ей хотелось верить, что Миша жив. Всё ждала весточки от него, ходила к бараку, хотела найти хоть какой-то след. Переживала, плакала по ночам. Осень наступила, потом зима... Ничего, никаких вестей. Тут вспомнила Таня про жару, воспряла духом, стала следующего лета ждать... Не велел я ей без меня ходить, да вот не послушала. Второго августа, ничего мне не сказав, отправилась сюда... и больше не вернулась. Я сразу понял, в чем дело, и за ней. У меня ведь, кроме нее, тоже никого. Танюшу я встретил как раз, когда мой срок закончился. Сразу и поженились. Она, конечно, уезжать не захотела, вот я и остался. Жить везде можно, человеку, кроме свободы и любви, ничего не нужно. Хорошо мы жили... пока это всё не случилось. С тех пор ищем друг друга. Найдем ли... Кто знает...»

Вздыхнул тяжело, и жаль его стало, ужас, как. Девчонки, помню, аж слезу пустили. Хоть и трудно было поверить в его историю, а поверили. От этого снова жутко сделалось.

Это он что ж, получается, бродит туда-сюда во времени наугад...

Когда осознаешь такое, впору рассудка лишиться. А тут еще смотрим, темнеть начинает... Переглянулись, мол, уходить пора.

Люся позвала было пришельца с собой, сердобольная, да, спохватившись, осеклась. Куда такого-то с собой?

«Идите, идите, мне с вами не по пути...» — только и сказал напоследок. Голос его снова стал хриплым и неожиданно низким, как на грампластинке с замедленными оборотами.

Ребята выскочили на улицу, а я сделал было шаг и остановился. Не надо было спрашивать, но не сдержался я, задал вопрос, который мучил меня всё это время: «А что там, с другой стороны?»

Тут он медленно так обернулся и посмотрел на меня... Ох, не забыть мне этого взгляда! Лицо его как-то еще больше осунулось и потемнело, что ли. Глаза — словно дырки насквозь, а за ними пустота... Что-то с ним в эту минуту происходило неясное, вроде как облик человеческий начал размываться, уступая место чему-то иному...

* * *

Как добежали до дома, не помню, а только историю эту мы никогда не обсуждали. Позже ребята разъехались, кто куда. Серега, говорят, спился, бедолага. Люся с Сашей поженились, всё у них вроде хорошо сложилось. Наташа до столицы добралась, учиться уехала. Там след ее и затерялся. Ну, про меня вы знаете...

А барак всё же снесли, еще в начале девяностых, однако место до недавних пор пустовало. Года четыре назад отстроили там новый микрорайон. Хороший,

благоустроенный, по зарубежному проекту. Красота кругом, нашего старого поселка с землянками и не узнать! Летит время...

Что говоришь? Не повезло новым жильцам? Кто знает, дай бог им никогда не прикоснуться к этой тайне. Климат здешний мягчает. Лето хоть и жаркое, но выше сорока уж много лет не поднималось. Авось, обойдется.

Да зачем всем знать-то об этом? Вас, молодых, хлебом не корми, дай всё разведать, до сути докопаться, причинно-следственную связь, понимаешь, установить! А по мне, так не в каждую тайну человек должен свой нос совать.

Я думаю так: много плохого совершилось на земле этой, с большим перебором. Природа зла человеческого не любит, вот и выворачивается наизнанку. А может, учит, предупреждает. Зло, оно ведь хуже выстрелов дырявит, и души человеческие, и землю. А через дыры эти лезет всякое, чему объяснения нет и быть не может.

Ничего. Земля добра, глядишь, всё выровняется, рассосется.